

Кутузовъ — полководецъ, который меньше всего считался съ правилами веденія войны и, вообще, съ военной наукой. Онъ, какъ и его духовный собратъ Каракаевъ, „презиралъ и знаніе, и умъ и зналъ что-то другое, что должно было решить дѣло, — что-то другое, независимое отъ ума и знанія“¹⁾). Поэтому ему ничего не стоило „говорить слова совершенно безсмысленные,—первыя, которыя ему приходили въ голову“²⁾), потому, что онъ дошелъ до того, что не мысли и умъ суть двигатели людей; по той же причинѣ онъ засыпалъ почти на всѣхъ военныхъ совѣтахъ.

Мало того, Кутузовъ тяготился своей ролью полководца, она ему не по силамъ; тонкій расчетъ, анализъ нѣсколькихъ возможностей сраженія или нападенія безсмысленны, ибо въ любой моментъ можетъ представиться тысяча другихъ комбинацій и случаевъ, которые предвидѣть все равно нельзя: „долголѣтнимъ опытомъ онъ зналъ и творческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку“³⁾), а старался уловить ту „неуловимую силу, называемую духомъ войска“, которую, по словамъ самого же Толстого, можетъ измѣнить одинъ крикъ обезумѣвшаго отъ страха солдата. Вѣрь въ расчетъ у него замѣняло убѣжденіе въ томъ, что французы будутъ когда-нибудь „лошадиное мясо жратъ“. Но если что-нибудь происходило помимо воли Кутузова, началось безъ него, то онъ только „благословлялъ совершившійся фактъ“⁴⁾). Здѣсь, конечно, пассивность Кутузова превращается въ апоѳеозъ Задняго Ума.

Если Толстой считаетъ моральную личность Кутузова далеко не идеальной, и характеризуетъ его скорѣе какъ человѣка отталкивающаго, сохранившаго „всѣ привычки страстей, но самыхъ страстей уже вовсе не имѣющаго“, то историческую роль Кутузова онъ возвышаетъ до небесъ, считая его человѣкомъ, вся жизнь которого была посвящена русскому народу, вся мысль которого была отраженіемъ народныхъ думъ и стремленій. И когда Кутузовъ понялъ, что война изъ народно-оборонительной должна превратиться въ европейско-завоевательную, онъ сказалъ открыто, не боясь немилости государя, что „далній-нейшая война за границей вредна и бесполезна“⁵⁾). „Кутузовъ, какъ и представляемый имъ народъ, „не понималъ

1) Ibid. T. III, 211. Курсивъ мой.

2) Ibid. T. IV, 228.

3) Ibid. T. III, 303.

4) Ibid. T. IV, 87.

5) „В. и М.“. T. IV, стр. 229. Курсивъ Толстого.